

УДК 82.091

М.В. ТОПЧИЕВА

(topchieva_nn@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ РЕБЕНКА И ТРАДИЦИИ СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА В РАССКАЗЕ Л. ГОРАЛИК «АГАТА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ»

Исследуется образ ребенка в современной русской литературе. На примере рассказа Л. Горалик «Агата возвращается домой» рассматривается жанровая трансформация святочного рассказа, пародийное смещение традиционных жанровых признаков и сюжетов, актуализация мифопоэтической модели хронотопа.

Ключевые слова: Л. Горалик, образ ребенка, топос детства, хронотоп, пародия, психологизм, святочный рассказ.

Жанр святочного рассказа известен русской литературе с начала XIX века. Он восходит к «Святочному рассказу» Полевого Н.А., впервые опубликованному в журнале «Московский телеграф» в декабре 1826 года [2, с. 5].

Святочный рассказ – это небольшое по объему произведение, относящее к календарному типу литературы и приуроченное к Святкам (25 декабря – 6 января), обычно несет в себе какую-либо мораль, поучение, часто предназначено для детей. Мораль, как правило, указывает на необходимость верования в Бога и «правильного поведения» в случае встречи с нечистыми силами. Литературный святочный рассказ возникает на фольклорной основе и начинает записываться с конца XIX в.

Святочному сюжету нередко предшествует воспроизведение обстановки «святочной беседы», в которой один из участников повествует о необычном происшествии во время Святков. Благополучные концовки историй встречаются реже трагических, а человек расплачивается за свою неосторожность при общении с нечистой силой.

В 1840-х гг. начинают появляться тексты о рождественской елке, ранее не свойственные святочным произведениям («Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского). Тема Рождества внесла в жанр новые мотивы: всепрощение, раскаяние, искупительная жертва, примирение и мотивы евангельских притч, чем характеризуется и влияние на русский рассказ творчества Ч. Диккенса [2, с. 146, 150].

Н.С. Лесков, автор более 20 святочных рассказов, является первым теоретиком этого жанра. Во вступлении к «Жемчужному ожерелью» он писал: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещенья, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело ... он должен быть истинное происшествие!» [2, с. 182].

Образ ребенка в русской прозе занимает особое место. В классической литературе он является и способом актуализации позиции автора, и средством характеристики «взрослого» героя. Ребенок изображался чистым, божественным существом (например, апология ребенка у Достоевского). Постепенно сформировался «культ детства». В литературе проходит проверку система ценностей ребенка, совершается опыт познания мира.

В XX в. образ ребенка переосмысливается, совершается отказ от закрепившейся в традиции идилличности в изображении детства (например, у Зиновьевой-Аннибал). На первый план выступает «движение» маленькой души, становление самосознания ребенка.

Интерес писателей к детству обусловлен стремлением к познанию антиномичной сущности человека, к пониманию тайн выхода из «кризисного времени» и роста (М.М. Бахтин). Внимание автора сосредоточено на тех ключевых моментах жизни героя, в которые самосознание и самопознание героя наиболее актуализируется [3, с. 9].

Тем не менее в русской реалистической традиции сохраняется незыблемость образа ребенка как носителя этической нормы. В современной русской литературе ребенок – единственная альтернатива

абсурду и хаосу окружающего мира. Подобные признаки мы наблюдаем и в творчестве отечественного автора – Линор Горалик.

Юлия Борисовна Горалик (она же – Линор) родилась 9 июля 1975 г. в Днепропетровске, в настоящее время занимается литературной и журналистской деятельностью. Несомненно, что ее творчество находится под влиянием эстетических и мировоззренческих тенденций современной литературной эпохи, в частности постмодернизма. Мир воспринимается как хаос, все окружающее носит игровой характер, преобладают ирония и пародия. Один из центральных художественных приемов – интертекстуальность. Кроме того, нередко автор отказывается от каких-либо притязаний на правдоподобие (прием фэбуляции), смешивает реальность и вымысел.

В нашей работе мы остановим внимание на сказке Линор Горалик «Агата возвращается домой», написанной в 2008 г. Данное произведение, пересекающееся с фольклорными традициями жанра, повествует о необычайной встрече в лесу восьмилетней девочки Агаты и маленького бесенка, обманувшего ее и приведшего к своему отцу вместо обещанного тайника с кладом. В образе отца воплощен классический мифолого-литературный образ искусителя Люцифера. С ним маленькая героиня играет в ладоши, что сначала доставляет ей радость, а потом приносит резкую боль. Бес делает ей подарок – кольцо, обеспечивающее его обладателя любой помощью дьявола: *Это не сделка, – уверяет Агату Сатана. Вернувшись домой, девочка сильно тоскует и заболевает. Только выбросив кольцо, ей удастся спасти себя* [1].

В тексте Горалик актуализируется широкий диапазон традиций, связанных с жанром святочного рассказа, но семантическое поле традиций переосмысливается с учетом эстетики и знаковых текстовых признаков постмодернизма. В постмодернистском ключе воспринимается художественное пространство праздника. На первый взгляд, перед читателем воспроизводится традиционная праздничная атмосфера: *все палисадники украшены рождественскими гирляндами, электрическими оленями, ненастоящими Санта-Клаусами* [Там же]. Вместе с тем в представленном праздничном пространстве доминирует в большей степени не праздничный эффект, а скорее театральное-маскарадный, «масочный», эксплицирующий постмодернистский прием «мнимого знака», симулякра. Создается пространство игровое, построенное как пространство искусственное, ненастоящее, ролевое.

Художественное время в сказке также на первый взгляд вполне соответствует жанровой традиции. События локализованы в подчеркнуто сжатом времени – около суток, однако время оказывается не линейным, а движется по-разному: замедляется, убыстряется, становится разветвленным. Возникает ощущение, что время течет не само по себе, а подчиняется неким сценическим театральным законам: временные провалы и смещения как бы смоделированы Невидимым Режиссером, наблюдателем, участником и одновременно творцом происходящих событий. *Сейчас Агата ничего этого не видит – она играет в кухне, за окном кухни – не палисадники, а лес, быстро становящийся серо-синим, хотя на часах всего три* [Там же].

Присутствует и фольклорный мотив нарушения запрета: девочка входит в лес, вопреки наставлениям родителей, обещая пройти «всего на сто метров» [Там же]. Л.Горалик намеренно утрирует сказочную формулу, как бы подчиняя сюжет своей сказки установленной жанровой модели, лишая тем самым фэбульную канву произведения художественной самостоятельности и снижая интригу. Агата помещается автором текста в заранее искусственный мир, смоделированную реальность, представленную определенным набором фольклорно-литературных сюжетов, мотивов, образов, а также закрепленных за памятью литературного жанра поведенческих реакций героев. Пространство, в котором существует героиня, представлено как пародия на жанровую модель сказки, с одной стороны, и святочного рассказа – с другой. Поэтому многие элементы текста, актуализированные в пространстве пародии, не кажутся странными и не противоречат пародийной логике. Так, пограничность пространства, его смещенность и диффузию фиксирует топос дом Агаты, который расположен рядом с лесом, на краю маленького города. Подчеркнутую искусственность зимнего пейзажа создает небо – «невозможно синее», «волшебное». Художественный мир произведения напоминает по своим функциональ-

ным характеристикам то сцену театра, то детско-подростковый квест с заданными вариантами действий по пути к достижению заявленной цели. Все происходящее заранее условно. Мы не знаем, в какой стране совершается описываемое (хотя автор тонко намекает, что действие происходит в европейской стране, поскольку использует соответствующую той культуре онимастическую символику и экзотический для отечественной культуры антураж); конкретно-исторические признаки времени также весьма размыты и обобщены. Автору важно акцентировать повторяемость, универсальность истории. И в этой авторской стратегии усматривается не только актуализация жанровой модели притчи, но и пародийное обыгрывание подобной актуализации с учетом проекции текста в рамках пространства постмодернистской условности. Воссозданная в тексте Горалик художественная псевдореальность ориентирована на постмодернистский феномен хаокомоса как экзистенциального пространства, в котором хрупкость мира Хаоса и Зла и стабильность мира Гармонии и Добра существуют в состоянии некоего динамического равновесия, которое устанавливается в итоге человеческим выбором. При этом сам выбор всегда открыт и не завершен.

Сквозной мотив сказки – мотив искушения: обещанный клад, искушение игрой в ладоши и выбор лучшего «подарка» от беса. Фантастичное происшествие Агата спровоцировано одиночеством героини, ведь родители уехали на весь день, а «Агата сидит дома и умирает со скуки» [Там же], поэтому приходится играть с ледяным окном. В тексте наблюдается свойственный святочному рассказу отказ от традиционной идилличности в изображении ребенка. Характер героини представлен не как цельный и статичный, а как сложный и противоречивый. Агата представлена в двух ипостасях. С одной стороны, она еще совсем ребенок. Ей всего 8 лет, она любит играть, стремится к приключениям, и в душе своей наивна и доверчива. С другой стороны, она находится на пороге взрослой самостоятельной жизни. Девочка переживает серьезное событие, из которого извлекает важный урок, что не может не отразиться на ее сознании и восприятии мира. Во время игры в ладоши от осознанных воспоминаний пропадает веселье, девочка обжигается. Внутренняя нестабильность и противоречивость характера героини не снимаются и в заключении сказки (несмотря на внешне позитивный финал). Равновесие сил Добра и Зла понимается автором не как абсолютное, не как некая константа бытия, а скорее как временная стабильность.

Примечательно, что автор отказывается от такого типичного признака святочного рассказа, как наличие обязательной христианской морали в финальной части произведения. Хотя другие устойчивые признаки жанра актуализированы в тексте. Так, болезнь Агаты после возвращения домой явно отсылает к мотиву расплаты человека за неосторожность в общении с нечистой силой. Мотивы раскаяния и нравственного перерождения также могут быть прочитаны в свете жанрового инварианта святочного рассказа. Вместе с тем устойчивые жанровые признаки и по своим функциям, и по семантике подвергаются модификации с учетом постмодернистской специфики текста, в том числе интертекстуальных «сигналов», заставляющих осмыслить традиционные образы и темы в новом, не всегда привычном, контексте. Произведение интертекстуально пересекается с древней мифологией о Люцифере и с романом «Властелин колец» английского писателя Джона Толкина (заветное кольцо). Люцифер пришел в отечественную культуру из западной, где олицетворял собой божество небесных светил, в христианстве же Люцифер – одно из имен Сатаны. Что касается чёрта, то это «продукт» чисто славянской мифологии. Таким образом, следует отметить смешение двух народных культур.

Мифопоэтические образы и мотивы в тексте также получают новый семантический импульс к прочтению. Типичны и сказочны лес, трехкратность совершаемого судьбоносного действия (три предложения подарка, «Третий раз разорвет твое сердце»), волшебное кольцо. Однако в мире, созданном в тексте Горалик, по сути, отсутствует стабильная и устойчивая альтернатива темному миру леса. Мир добрый и светлый как бы вынесен «за скобки» реальности: это не некая данность, а вечный путь «возвращения домой», к себе, к тому Эдему, который утратил человек, сохранив в душе тоску по счастью и идеалу.

Литература

1. Горалик Л. «Агата возвращается домой». URL: <http://linorgoralik.com/agata.html>. (дата обращения: 08.10.2015).
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
3. Харитоновна Е.В. Феномен детства в прозе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: автореф. дис. Волгоград, 2010.

ТОПЧИЕВА М.В.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

***IMAGE OF THE CHILD AND TRADITIONS CHRISTMAS STORY IN THE STORY
L. GORALIK «AGATHA COMES BACK HOME»***

The article investigates the image of a child in the modern Russian literature. For example, the story L. Goralik "Agatha comes back home" is considered a genre transformation Christmas story, a parody of traditional offset genre characters and stories, updated mythopoetic model chronotop.

Key words: L. Goralik; image of a child; topos childhood; chronotop; parody; psychology; christmas story..